

царский подарок. Речь уже шла не о двукратной компенсации территории Реполы и Пораярви, предлагавшейся еще на переговорах. Теперь заявлялось, что к Финляндии будут присоединены населенные преимущественно карелами территории Восточной Карелии, которые в силу кровного родства находились в единстве с Финляндией. Тем самым осуществлялась вековая мечта двух родственных народов — финского и карельского. Осуществление этой мечты провозглашалось не только справедливым — что, впрочем, с советской стороны было забыто во время войны-продолжения — но было закреплено государственным договором, который должен был быть по возможности скоро ратифицирован в Хельсинки. Речь, таким образом, шла о создании Великой Финляндии, и это было именно самостоятельное и независимое государство.

Дар был ранее неслыханным в хрониках, что также подчеркивал и Советский Союз. Ни одно капиталистическое государство такого не сделало бы, и поэтому якобы было абсурдно утверждать, что Советский Союз ведет войну против Финляндии. Согласно этой логике, народ Финляндии всегда радовался огромному дару соседа, и только оказавшиеся без поддержки белые бандиты обстреливали красноармейцев.

Но Великий Дар вызывал сомнения, если за него не требовалось большого ответного подарка. Для финнов это было лучшим аргументом за то, чтобы сражаться. Но вступив в борьбу, Финляндия утратила как Карелию, так и Восточную Карелию, которую она получила бы без борьбы. Правда, в этой Великой Финляндии у каждого человека не было бы права «прямо стоять или пасть». Там застрелили бы в затылок, и это знали.

За что сражались в Зимней войне?

То, что финны оказали сопротивление в ходе Зимней войны, разумеется, известный всем факт истории, этим никого не поразишь. Но теперь история такова и кто угодно знает или считает, что знает, дела лучше, чем современники. В России в кругах новых сталинистов Зимнюю войну называют в целом «ненужной войной». Москве нужна была только пара баз, она даже не требовала границы Петра Великого, на которую после войны и больших затрат согласились финны. Некоторые авторы просто умилительно описывают то, насколько трагичным было то, что недалевидная внешняя политика, руководимая, в частности, министром иностранных

дел Элясом Эркко, вызвала войну по совершенно незначительной причине.

Почему финны решились на вооруженное сопротивление мощной военной силе? Известно, что в финских кругах в межвоенный период имели место мысли о собственной исключительной особенности. Это поддерживали спортивные успехи, дававшие право говорить о Финляндии как о «великом спортивном государстве». С одной стороны, финны не принадлежали к арийской, а к «восточно-балтийской расе», с которыми наши собственные любители вообще связывали свой народ, и не могли гордиться таким всемирно-историческим значением, наличие которого у своей «расы» доказывали склонные к фантазиям расовые теоретики в Центральной Европе. С другой стороны, постановка себя выше русских была возможна в той области, в которой это позволяла обычная фабула. «Рюссяфобские» правые радикалы основывали свои представления о величии, например, на событиях 1918 г., значение которых как величайшей победы, достигнутой над русскими, неизмеримо преувеличивалось. Художественная литература, прежде всего, всем известный фенрик Стооль, так же, как «Рассказы фельдшера» Топелиуса, подпирала образ исключительно отважного и талантливого в военном отношении народа, на стороне которого, кроме того, был сам Бог.

Соотношение сил в Зимней войне было таково, что только особо сильная вера в Божье покровительство, обостренная вера в особость финнов и негодность противника могли оправдывать веру в окончательную победу. Как известно, таковая проявилась в определенный период, даже на самом высоком политическом уровне. Однако Зимняя война была с финской стороны прежде всего упорным нежеланием подчиниться, несокрушимым чувством справедливости, а также борьбой, окрашенной желанием отомстить. Мысль о смерти как жертве во имя справедливости и правды была во время войны очень сильна. Вероятно, напрасно говорить, что сражения Зимней войны уходили очень глубоко в ценности общества периода предмодерна. Очевидно, прямое влияние веры следует считать очень большим, хотя оно и не распространялось на всех.

Мика Валтари написал еще во время войны маленький роман «Антеро уже не вернется». Его действие заканчивается в феврале, когда исход войны еще не ясен. Писатель в то время служил в информационном центре Государственного совета, но, по мнению исследовавшего произведение Валтари вообще и в частности, это

произведение Пану Раяла, речь не идет о заказной работе. Валтари писал его для себя и вдохновленный своим народом.

Героиня книги, молодая супруга уже в названии книги приговоренного умереть Антеро и мать их общего ребенка вначале приходит в ужас от мысли, что нужно умирать за какое-то дело: «Нет никакого такого дела, за которое следовало бы умирать. Я хочу жить, я желаю жить ради тебя и ради моего ребенка. Но нет никакого такого дела, ради которого следовало бы умереть».

Когда Антеро погиб, Анникки горестно размышляет: «Мир протягивает нам только милости, чтобы успокоить свою совесть. Они не понимают, что мы сражались за будущее всего мира против величайшей лжи человечества».

Однако горечь ведет не к безнадежности, а к упрямству: «Пусть так, мы не станем беспокоить их совесть. Когда падут наши последние мужи, и пушки износятся, и снаряды закончатся, и Финляндия будет в безнадежном положении, тогда я охотнее подожгу свой дом и застрелю себя, чем пойду выпрашивать подачки у совести мира. Очень мало они увидят финских беженцев, если случится худшее. Мы не станем их беспокоить, мы живем и умрем в своей стране».

Анникки, однако, помнит, что она же мать. Она устыдилась своей слабости, снова поверила: «Финляндия никогда не будет угнетенной! Сам Бог на нашей стороне, и души героев восстанут из своих могил, чтобы сражаться на нашем фронте. Поэтому каждый из нас должен сделать что-то сверхчеловеческое». «Со сверкающими глазами, глазами, наполненными слезами горечи, она верила и знала: придет весна, наша весна, великая весна Финляндии». Это настроение в конце книги и датируется февралем, когда новости с фронта становились зловещими.

Как женщина Анникки была по призванию защитницей жизни, которой следует заботиться о ребенке. Что касается Антеро, то он не испытывает никаких сомнений в своей роли. «Каждый, вплоть до бедного земледельца и радикального рабочего, понимал, что подчинение требованиям Советского Союза означало бы уничтожение народа Финляндии как нации. Этот же восторженный жертвенный дух наполнял каждую душу, в огромном национальном потоке личность была уже только маленькой частичкой». На фронте Антеро знал, что он достоин той жизни, которая была ему дана именно сейчас.

Мать Антеро говорила в своем письме о Боге, но о нем не говорят в блиндаже. Но каждый, кто разобрался с войной, будет

еще выяснять свое отношение ко многим делам, в том числе и к вере. Теперь дело было слишком трудным, но в вопросах веры не богохульствовали. «Они сражались против пятидесятикратно превосходящих сил, и согласно человеческому разуму и реально-политическим расчетам их борьба была безнадежна. Но они сражались за свободу, и это было то, что выходило за пределы человеческого ума и всех расчетов. Они сражались за свободу против насилия, за западную цивилизацию, против варварства, невежества и лжи. В этой борьбе его дух и его жизнь были очень маленьким вкладом».

Как гласил заголовок, Антеро пришлось принести в жертву свою жизнь за свободу и правду. Можно считать, что это было не напрасно, хотя вклад и был маленьким и хотя мир не восстал против насилия и несправедливости. С точки зрения реальной политики, заранее обреченные жертвы борьбы были бы напрасными. В дискурсе Валтари такого не было и не могло быть. Мотивом борьбы также не было выраженное в «Фиванской песне» В.А. Коскенниemi стремление к воинской славе, к чести ради чести:

...Вперед, мужи, дорогами смерти
завистливые столетия смотрят на вас.

Война была, скорее, жертвой, которую приносили ради подлинных, вечных ценностей, ради справедливости и правды. «Великая весна Финляндии» была в действительности весной вынужденного мира с Москвой. Жизней десятков тысяч убитых или искалеченных молодых людей оказалось недостаточно, чтобы спасти Карелию, сотни тысяч вынуждены были покинуть свои дома, утратить хозяйство и все имущество. Коллективное горе, плач всего народа встречал эвакуированных в «обрубке Финляндии», но их никогда не называли беженцами. Ведь их действительно эвакуировали, если не по собственной свободной воле, так все же из осознания того, что это необходимо сделать. Правительство Куусинена с охотой приняло бы к себе всех их в свой малочисленный круг подданных.

Атмосфера мирного договора отразилась на всем ранее невиданным взрывом горя. Очевидно, это было срывом: несправедливость победила, несмотря на жертвы. Была ли жертва напрасной? Мыслью о войне как жертве, как холокосте, которую вела за Финляндию ее лучшая молодежь, проникнуты многие другие сочинения о Зимней войне, не только маленький роман Валтари. Но справедливо ли оплачены жертвы? Почему должна платить за них собственная страна?

Ответ представляется в определенном смысле очевидным: жертвы были необходимы для сохранения свободы в борьбе против зла. Уже современники были способны понять, что капитуляция без борьбы не уберегла бы от жертв. Спустя какое-то время это мнение кажется вполне пригодным. Финляндия после Зимней войны была изуродована и обрезана, ей грозил голод, экономически она была слаба. Но в некотором существенном значении это была все та же Финляндия, что и до войны: «великая ложь человечества» не была способна распространить на нее свою власть.

Положение Финляндии как бастиона западной цивилизации снова получило свое подтверждение. В.А. Коскенниemi с гордостью констатировал:

...чего в Финляндии потребовала свобода страны
по очереди заплатит и отец, и сын.

Незаменимость жертв, нравственная величественность всего этого зимнего холокоста подняла Зимнюю войну до метафизических высот: те молодые люди отдали свои жизни, чтобы могли жить другие. Разумеется, жертвы были принесены ради великого дела, и это дело было нравственно чистым. Речь шла, таким образом, не только исключительно об акте насилия, в котором погибли невинные. Лживая власть несла, разумеется, все вину и была за нее в ответе. В жертве, однако, победило не зло, а прежде всего доблесть.

«Северные эллины», которые в классическом историческом образе противостояли малой силой варварскому и несправедливому Востоку, занимали уже естественное место в героической борьбе Запада, так что без сомнений можно подписаться под словами поэта:

Военные орды могучей Азии
Разбила богатырей Эллады мощь,
Мы берем на себя ту же опасность и честь,
Мы, свободы Севера стражи!

Соперничество за лучшую книгу о Зимней войне в 1940 г., т. е. сразу же, выиграл небольшой роман Вильо Сарайя «Искушенная земля». То, какая работа объявляется авторитетным советом лучшей, всегда диктуется временем. Какая картина борьбы тогда была сочтена заслуживающей награды?

Уже название книги — пафосное по своему характеру. Однако этот пафос не агрессивный или хвастливый, а христианский

по своему духу. Его можно было бы даже считать квазихристианским, т. к. он возвышает усопших финских героев до своего рода роли Христа. Книга заканчивается смертью одного из главных героев и словами: «Он искупил землю». Для читателя более позднего времени потребность в искуплении непонятна. Страна ведь была страной финнов. Она, бесспорно, была их собственностью, искупления не требовалось. Однако оказалось, что сосед желает несправедливо, силой забрать ее. Он хочет уничтожить свободу. Сохранение свободы, опять же, возможно только принесением в жертву молоху войны людей. Те, со своей стороны, странным образом готовы к этому. На фронт отправляются прямо-таки с радостью. Возможность гибели не считается важной, «если осененные крестом частицы нашего праха выкупят свободу этой страны». На фронте мужчин венчают «неувядаемые лавры мужества».

Ясная цель войны — свобода, ее выкуп. Мысли о напрасности борьбы не возникает, хотя знают о «пятидесятикратном» превосходстве сил противника. Сами сражения описываются довольно прямолинейно, как фабрика убийства, на которой, правда, искусство врага быстро совершенствуется, но на которой он не способен стать действительно превосходящей угрозой. Убийство ужасает, смерть одного врага может также уничтожить всю его семью. Но у обеих сторон есть задача, и вражеского солдата тоже нельзя винить за это.

Особенностью книги Сарая можно, пожалуй, считать созданный в ней образ финна. А именно — финн очень самодоволен и приходит просто в восторг от восхваления своего народа. Любовь к свободе — наследие поколений. Это признак аристократичности, которым есть основание гордиться. «Матери воспитывали нас аристократичными, гордыми, немногословными, молчаливыми, думающими юношами. А суровое общество отца усовершенствовало нас. Поэтому мы как горы, из которых можно добыть то золото, которое они в себе таят. От батрака до президента мы гордые аристократы».

Очевидно, что довольно высокопарный слог книги бил по нерву времени. Она повествовала также о создании национального единства, примирении в отношении 1918 г. «Так как каждый миг приближал нас действительно к настоящей родине. Мы не так долго искали березу и звезду, теперь мы нашли их. Мы достигли родины. Не только родины, но самих себя. Золото очищено. Шлак отброшен. И мы знаем, что если мы могли бы, то построили бы для своих детей новую, настоящую родину».

Таким образом, книга давала понять, что очищение от фальши, искупление старых грехов произошло. Остается не высказанным, кто должен был это сделать. Возможно, возникла потребность признать, что виновны были обе стороны, как это становится очевидным даже из книги Эйно Райло «Избранный народ и земля обетованная». Виновность смывается чистой жертвой. Только мимоходом в завуалированных выражениях некоторые книги о Зимней войне дают прямо картину того, что возможность жертвовать собой особо приветствовалась и ценилась. Горечь от ненужных жертв едва ли можно где-то найти. Дискурс сталинской «ненужной войны» в этом смысле из совершенно иного мира, чем опыт современников Зимней войны.

Объяснение тому, почему в Зимнюю войну сражались, обнаруживается только в тот момент, когда борьба стала актуальной и была избрана как линия поведения. Историческим фактом является то, что в Финляндии проявили исключительно большую решимость. Ситуация во многих отношениях была исключительной, даже чувствительной. Иная политика со стороны Советского Союза могла бы привести к иным результатам. В этом смысле война не была нужной.

Художественная литература создавалась в основном уже после событий. Возможность мудрости задним числом уменьшает ее доказательную силу. Образ, который получает популярность, доказывает, однако, сам по себе то, какими дела хотели видеть и при этом сохранять тесную связь с опытом времени. Книга Валтари, пожалуй, является исключением, т. к. она явно вышла из-под пера писателя еще до завершения войны. Во всяком случае, весть литературы очевидна: борьба за свободу считалась честью уже сама по себе. Она должна была вестись ради себя. Возможные последствия поражения оставались едва набрисованными. Тексты того времени давали понять, что эти последствия считались хуже смерти. Честь была довольно неожиданным мотивом для крестьянского в основном народа. Она, однако, была на виду, и для понимания этого следует знать, насколько сильное влияние на весь народ Финляндии оказали исторические образы — классические у Рунеберга и романтические у Топелиуса. Вместе они создали тот автопортрет финна, который стал действительностью на спортивных полях, а теперь на полях сражений. Изображение в книге Сараяя финнов, молчаливых крестьянских парней как «аристократов» возвращает прямо к традиции наших великих национальных мужей и свидетельствует об огромном влиянии учителей народных школ на судьбы нации.

В относительно глубоко модернизированном обществе идеалистическое поведение было довольно неожиданным. Им финны вызвали удивление и восхищение в мире. Это, как кажется, в Финляндии было ожидаемым. «Быть маленьким народом великое дело», как афористично выразился Вейо Мери.

Однако все могло пойти иначе. Если бы Москва распорядилась своими талантами лучше и смогла разделить народ Финляндии надвое, свежие раны 1918 г., вероятно, снова бы открылись. Так как агрессор допустил, однако, все возможные ошибки, он утратил и ту малую веру в себя, которая в Финляндии еще была в относительно широких левых кругах. Никто не верил в басни о свободе и независимой Финляндии при Куусинене, хотя та и получила Восточную Карелию. Изображение Красной армии как пришедшей на помощь по приглашению этого правительства и бескорыстной помощницы финляндской революции полностью не соответствовало той действительности, которую все могли видеть вокруг себя. Большая московская басня для финнов ударила прямо в сердце публики. В конце концов, этот всеобщий гнев привел к решению, что альтернативы борьбе нет.

Контрудар империи

В 2010 г. в Петербурге вышла примечательная книга «Зимняя война в документах НКВД». Помимо кратких введения и заключения она содержит сотню страниц докладов об антисоветских кругах Финляндии и отношениях страны с Германией. Помимо этого в книге примерно 150 страниц чисто оперативных, местного характера документов периода войны и два десятка страниц пропагандистских материалов. Части книги никак не связаны между собой. Их объединяет только то, что они «отрыты» из архива «Большого дома», т. е. петербургского ФСБ.

Наиболее интересными представляются рапорты о Финляндии 1930-х гг. Помимо предисловия и заключения они на самом деле являются единственным заслуживающим интереса материалом, т. к. рапорты Ленинградского НКВД рассказывают только о местной рутинной работе и ограничиваются примыкающими к Терийокам территориями. В сравнении с опубликованными в 2009 г. в совместной финско-русской книге адресованными Сталину и Ворошилову рапортами они довольно незначительны и просто убийственно однообразны. Не будет ошибочным